

SCIENTIFIC PUBLIC ORGANIZATION "PROFESSIONAL SCIENCE"

INTERNATIONAL JOURNAL OF PROFESSIONAL SCIENCE

ISSUE 8-2019

WWW.SCIPRO.RU

RUSSIA, NIZHNY NOVGOROD

UDC 001
LBC 72

International Journal Of Professional Science: international scientific journal, Nizhny Novgorod, Russia: Scientific public organization “Professional science”, №8-2019. 44p.

ISSN 2542-1085

International journal of Professional Science is the research and practice edition which includes the scientific articles of students, graduate students, postdoctoral students, doctoral candidates, research scientists of Russia, the countries of FSU, Europe and beyond, reflecting the processes and the changes occurring in the structure of present knowledge.

It is destined for teachers, graduate students, students and people who are interested in contemporary science.

All articles included in the collection have been peer-reviewed and published in the form in which they were presented by the authors. The authors are responsible for the content of their articles.

The information about the published articles is provided into the system of the Russian science citation index – RSCI under contract № 2819-10/2015K from 14.10.2015

The electronic version is freely available on the website <http://scipro.ru/ijps.html>

UDC 001

LBC 72

Editorial team

Chief Editor – Krasnova Natalya, PhD, assistant professor of accounting and auditing the Nizhny Novgorod State University of Architecture and Construction. (mail@nkrasnova.ru)

Zhanar Zhanpeisova — Kazakhstan, PhD

Khalmatova Barno Turdyhodzhaeva — Uzbekistan, MD, Professor, Head of the Tashkent Medical Academy

Tursunov Dilmurat Abdullazhanovich — Kyrgyzstan, PhD, Osh State University

Ekaterina Petkova, Ph.D Medical University — Plovdiv

Stoyan Papanov PhD, Department of Pharmacognosy and pharmaceutical chemistry, Faculty of Pharmacy, Medical University — Plovdiv

Materials printed from the originals filed with the organizing committee responsible for the accuracy of the information are the authors of articles

Editors N.A. Krasnova, 2019

Article writers, 2019

Scientific public organization
“Professional science”, 2019

Table of contents

Applied jurisprudence	6
Skobina E.A., Slepchenko K.A. Legal culture and the state: conflicts and strategies in hostage-taking	6
Cultural hybridization	14
Gluschenko V.M., Pronkin N.N. The degradation of society as a process of destruction of the individual, society and the state	14
Smart City Science Management	21
Bulankina E.V., Lebedeva E.V. Fundamentals of building a system of state support for small business in the Russian Federation	21
Sustainability	25
Batkovsky A.M., Leonov A. V., Pronin A.Y. Rationale for rational options for diversification of innovation-active enterprises of the military-industrial complex	25
Khlopov O.A. Cooperative Approaches to Global Environmental Problems	37

Applied jurisprudence

UDC 343.34

Skobina E.A., Slepchenko K.A. Legal culture and the state: conflicts and strategies in hostage-taking

Правовая культура и государство: конфликты и стратегии при захвате заложников

Skobina Elena Aleksandrovna

Associate Professor of the Department of Civil and Criminal Law and Process
Chita Institute (Branch) FSBEI HE
«Baikal State University».
Russia, Chita,

Slepchenko Ksenia Anatolyevna

4th year student of the Chita Institute (Branch) FSBEI HE
«Baikal State University»
Russia, Chita

Скобина Елена Александровна

доцент кафедры гражданского и уголовного права и процесса
Читинский институт (филиал) ФГБОУ ВО
«Байкальский государственный университет».
РФ г. Чита,

Слепченко Ксения Анатольевна

студент 4 курса Читинский институт (филиал) ФГБОУ ВО
«Байкальский государственный университет»
РФ г. Чита

Abstract. *The article is devoted to the issues of legal culture of persons who have committed hostage-taking. The study is conducted in the context of consideration and analysis of conflicts arising between the state, in the person of its state bodies, their officials, citizens, who are required to perform specific actions or abstain from their execution in the interests of the invaders or other persons, the Authors conclude that one of the effective means of conflict resolution in hostage-taking are the correct tactical actions in the introduction of negotiations in the situation of hostage-taking.*

Keywords: *legal awareness hostage-taking, public safety, level of legal awareness, legal culture, conflict, strategy, conflict situation*

Аннотация. *Статья посвящена рассмотрению вопросов правовой культуры лиц, совершивших захват заложников. Исследование проводится в контексте рассмотрения анализа конфликтов, возникающих между государством, в лице его государственных органов, их должностных лиц, граждан, к которым предъявляются требования о выполнении конкретных действий или воздержания от их исполнения в интересах захватчиков или других лиц. Авторы приходят к выводу о том, что одним из эффективных средств разрешения конфликтов при захвате заложников являются правильные тактические действия при введении переговоров в ситуации захвата заложников.*

Ключевые слова: *правосознание, захват заложника, общественная безопасность, уровень правосознания, правовая культура, конфликт, стратегия, конфликтная ситуация.*

Рецензент: Ахрамеева Ольга Владимировна, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса, кафедра гражданского права и процесса юридического института ФГАОУ ВО Северо-Кавказский федеральный университет

Показатель развития государства – это его культура. Государство поддерживает развитие культуры и координирует её направления. [9, с.36] Правовая культура общества обуславливает охрану прав, свобод и законных интересов граждан, их защищенность от каких-либо посягательств со стороны третьих лиц. [15, с. 43]

Несмотря на достаточное количество исследований, посвящённых разработке стратегии культурной политики, [5, с. 118], [9, с. 37], [11, с.48], [20, с. 12] продолжает оставаться актуальным вопрос о правовой культуре лиц, совершающих захват заложников. Поскольку данное преступление представляет собой совокупность определённых установок и примеров поведения, существенно нарушающих общественные отношения в сфере общественной безопасности в России, считаем, что оно является одним из элементов стратегической культуры при принятии политических решений [17, с. 96]. Последнее обусловлено не только повседневным, нормальным функционированием органов власти, общественных организаций, но и в конфликтной ситуации, возникающей в результате совершения преступлений, имеющих высокую степень общественной опасности.

Указанное обстоятельство подтверждается положением, закрепленным в ст. 206 УК РФ, где цель играет главенствующую роль в таком элементе, как субъективная сторона преступления и заключается в понуждении органов власти к выполнению определенных активных действий либо к воздержанию от их исполнения.

А.С. Ахметов полагает, что правовая культура есть феномен социальной действительности, который способен определять и выражать правовое состояние общества и граждан в нем проживающих. [3, с. 18-19]

Правовая культура личности обуславливает особенности развития индивидуума, которая выражается в уровне правомерности ее деятельности. [6, с. 99].

Правовая осведомлённость и компетентность лица, совершающего определенные действия (бездействия) выступает основой правосознания. В.Н. Карташов указывает, что правосознание и правовая культура, как отдельных лиц, так и общества в целом являются факторами, способствующими поддержанию общественной безопасности и контролю публичного правопорядка государства. [7, с. 176]

Основой правосознания служит определенная психологическая установка лица, выступающая гарантом неукоснительного соблюдения, исполнения, реализации и применения норм права. Такая установка имеет задачи стимулирования граждан к добровольному признанию и утверждению отдельных правил

поведения, включая в себя различные превентивные мероприятия, направленные на снижение числа нарушений каких-либо запретов. [18, с.25]

Подобная психологическая линия поведения может быть произвольной и непроизвольной. Непроизвольная психологическая установка, как отмечает Н.А. Коломытцев и Л.Н. Одинцова, определяется уровнем правосознания, воспитанием, образованием, внутренними убеждениями, ценностями и мировоззрением отдельных лиц. Произвольная психологическая установка индивидуума определяется основными идеями (руководящими началами) действующего уголовного законодательства, указывающего и закрепляющего неизбежность наступления ответственности в случае нарушения норм права. [8, с. 44-46]

Вопросы изучения особенностей правосознания нередко являлись предметом анализа и дискуссий многих психологов и юристов. Точное соблюдение и исполнение норм права физическими лицами в сфере общественной безопасности и правопорядка российского государства связано с уровнем правосознания и правовой культурой отдельных лиц.

В.А. Рыбаков отмечает, что, правосознание есть совокупность субъективных представлений человека, выражающих его отношение к праву и другим социальным явлениям, происходящим в объективной действительности. [18, с.27]

Правосознание, по мнению М.А. Большунова, есть всякое субъективное отношение людей к праву, выражающее их осознание норм права и регулируемое ими поведение. [4, с. 116]

Указанные точки зрения объединяет позиция, согласно которой правовая культура и правосознание гражданина - это взаимосвязанные, взаимообусловленные понятия, отражающие и определяющие мировоззрение, отношение к праву, чувства, эмоции и интересы субъекта.

Моральные, нравственные и духовные психологические убеждения и установки лиц, совершающих преступление, предусмотренное ст. 206 УК РФ обуславливают их субъективную подготовленность и способность совершить указанное преступление. [19, с. 660] Такое обстоятельство подтверждается итогами анализа судебной практики Российской Федерации, где виновные лица приговорены к мере наказания в виде лишения свободы. Налицо результат конфликта интересов его участников: с одной стороны субъекта, совершающего захват заложников, с другой – представителей правоохранительных органов, государства.

Согласно позиции М.С. Миримановой конфликт - столкновение противоположных мнений, убеждений между двумя и более людьми. Конфликт всегда сопровождается негативными, эмоциональными переживаниями у человека. [16, с.156] А.В. Лопарев, отмечает, что под воздействием негативных эмоций лицо не слышит своего собеседника и ему сложно найти компромиссное решение и конструктивные способы решения конфликта. [12, с.129-130]

А.В. Куликова, отмечает, что конфликт – это ситуация, в которой каждая из сторон, участников условно стремится к собственной позиции или правоте, которая противоположна или несовместима с позицией другого участника. [10, с. 28]

А.С. Ахметов, утверждает, что конфликт представляет собой внезапное обострение и столкновение (борьбу) интересов противоборствующих сторон во время разрешения определенного вопроса (спора), имеющего для таких участников какую-либо значимость. [3, с. 21]

Вышеуказанные авторские позиции объединяет точка зрения указывающая на то, что конфликт всегда есть сопротивление, противоборство и обострение интересов субъектов такой ситуации, где участники стараются доказать свою точку зрения, аргументировать обоснованность и правдивость своей позиции и понудить оппонента согласиться с ней.

Эмпирической базой исследования выступили 14 обвинительных приговоров, вынесенных российскими судами по ст. 206 УК РФ. Согласно проведенному исследованию 100% от общего числа лиц, совершивших захват заложника, составляют российские граждане: лица мужского пола, среднего возраста (25-40 лет), имеющие среднее, средне - профессиональное образование, годные к службе в Вооруженных Силах РФ. Высокий уровень криминальной активности этих лиц связан с желанием субъекта понудить государство, организацию или гражданина выполнить высказанные ими требования, направленные на удовлетворение личных потребностей, как обязательное условие освобождения заложников. 35,7 % (от общего числа лиц, осужденных по ч. 2 ст. 206 УК РФ), руководствовались при захвате корыстным мотивом. Такое обстоятельство обусловлено личными потребностями индивидов в получении денежных средств. Кроме того, у 50 % осужденных по ч. 2 ст. 20 УК РФ наличествует мотив ревности и (или) ненависти в отношении отдельных лиц, либо группы граждан, обладающих определенными полномочиями и наделенных правовым статусом сотрудников органов государственной власти в РФ, либо в субъектах РФ. [21]

Согласно типологии личности преступника по глубине, стойкости и интенсивности антисоциальной направленности лицо, совершающее захват заложника, является неустойчивым либо злым (особо злым) типом преступника. [14, с. 90]

Неустойчивый тип преступника характеризуется проявлениями девиантного поведения в обществе, совершением аморальных проступков. Общественно-опасное деяние, запрещенное УК РФ такой тип преступника совершает впервые.

Злой тип преступника характеризуется рецидивом совершения антиобщественных деяний. [14, с.90] Некоторое число осужденных лиц по ст. 206 УК РФ ранее привлекались к уголовной ответственности и имеют неснятую, непогашенную судимость (57,1%). Особо злые типы преступников признаны опасными или особо опасными рецидивистами.

По характеру антисоциальной направленности, лица, совершающие захват заложника, имеют негативное, пренебрежительное отношение к личности и ее важнейшим благам. Эти лица, как правило, отрицательно характеризуются по месту жительства (14,2 %). В основной своей массе не имеют постоянного места работы и как следствие, постоянного источника доходов, чем и объясняется их корыстная мотивация.

Низкий уровень интеллекта и эрудиции характеризуют низкий уровень правосознания и правовой культуры. [8, с. 45]

Большинство осужденных за захват заложника лиц (35,7 %) совершают преступление, находясь в состоянии алкогольного опьянения. Все преступления совершаются с применением предметов, используемых в качестве оружия (металлические ножи, спицы, ножницы) для подавления воли потерпевших к сопротивлению. Степень общественной опасности захвата заложников увеличивается тем, что 14,2 % преступлений совершается в соучастии - группой лиц по предварительному сговору. [21]

Разрешение возникшего конфликта между субъектом преступления и государством в лице его органов обусловлено необходимостью разработки, как общей стратегии переговоров, так и тактики их проведения в конкретной ситуации, направленной на освобождение заложников. [13, с.99-101]

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации представляет собой основополагающий документ, направленный на планирование развития системы обеспечения национальной безопасности российского государства, разработанный и принятый, как основа сотрудничества правоохранительных органов, общественных организаций и объединений граждан Российской Федерации в области защиты национальных интересов и обеспечения безопасности государства, соблюдения прав и свобод граждан. [1]

Основными положениями стратегии являются: определение национальных интересов на долгосрочную перспективу, обеспечение национальной безопасности российского государства, а также основы реализации указанной стратегии учитывая основные показатели состояния национальной безопасности.

Неотъемлемой частью охраны общественной безопасности является деятельность правоохранительных органов, призванных защитить каждого из лиц, захваченных в качестве заложников, обеспечить их освобождение, не допустив наступления тяжких последствий.

Важным фактором успеха в освобождении заложников выступает умение специально подготовленных представителей силовых структур правильно вести переговоры с преступниками. [19, с.661]

Следует отметить, что важно учитывать психологические особенности типов личности преступников для того, чтобы составить план (тактику) ведения переговоров с конкретным человеком. В правовой доктрине существуют разного рода классификации, в том числе, по типу личности на основании мотивации совершённых преступлений.

Выбор тактики поведения при захвате заложников должен происходить с учётом оперативной обстановки, данных о заложниках, состоянии их здоровья и другой информации. Принятие каких-либо решений в такой ситуации во многом будет зависеть от позиции занятой преступником (нейтрально-оборонительная или наступательно - агрессивная). Разработка и выделение лицами, уполномоченными на

введение переговоров основных правил поведения при захвате заложников в полной мере не влечет за собой обязанность следования таким нормам догматически.

Основной задачей данного процесса является сохранение жизни заложников, предотвращение возможности (неизбежности) наступления общественно-опасных последствий, которые могут выразиться в причинении вреда здоровью граждан и другим охраняемым Уголовным законом общественным отношениям.

В тоже время, основная задача лица, уполномоченного на введение переговоров с преступником, сводится к установлению с последним контакта доверительного уровня. Такой контакт может быть установлен различными тактико-психологическими приемами. В науке принято выделять три группы специальных приемов, направленных на установление и сохранение доверительных отношений. Первая группа приемов раскрывает тактику определения сбора информации о случившемся (например, путем использования и применения различных технических средств). Вторая группа направлена на установление доверительного контакта с преступником. Данная группа предполагает использование различных тактических приемов при захвате заложников, например, самораскрытие (откровенное высказывание информации, с последующим рассказом переговорщика о себе).

И наконец, третья группа приемов направлена на убеждение преступника, пойти на уступки правоохранительных органов, например, выдвижение встречных требований преступнику (отпустить часть детей взамен предоставления транспортного средства). Взаимное выполнение требований способствует созданию и развитию благоприятной обстановки и надежде на добровольное освобождение заложников.

Вышеперечисленные приемы направлены на убеждение преступника, освободить заложников добровольно без вмешательства и применения силы оперативными подразделениями и отрядами быстрого реагирования.

При обстоятельствах явно свидетельствующих о нежелании преступника идти на переговоры правоохранительными органами будет принято согласованное решение о штурме, оцеплении захваченной территории с последующим освобождением заложников.

В психологии не существует неразрешимых проблем. Для человека важно знать механизмы возникновения, протекания, а также предотвращения конфликта. Лицо, находясь в конфликтной ситуации, иногда само не осознает, почему так или иначе реагирует в определённой ситуации. Для этого лицо может самостоятельно проанализировать своё поведение и прийти к конструктивным способам решения конфликта, либо он может обратиться за помощью к психологу.

Важно помнить, что конфликт негативно влияет не только на самого человека, но и на его ближайшее окружение и на его адаптацию в социуме.

Таким образом, исследованные приговоры российских судов с выделением отдельных характеристик и свойств лиц, совершающих захват заложника, позволяют определить низкий уровень правовой культуры и правосознания.

Библиографический список

1. Стратегия государственной культурной политики на период 2030 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 февраля 2016 г. № 326-р // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_194820/ (дата обращения: 18.02.2019).
2. Аванесов Г. А., Шегабудинов Р. Ш. Личность преступника в системе причин преступности // Вестник Московского университета МВД России. 2010. №3. С. 93-97. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lichnost-prestupnika-v-sisteme-prichin-prestupnosti> (дата обращения: 09.02.2019).
3. Ахметов А.С. Проблемы формирования правовой культуры современного общества // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. №3 (64). С. 18-22. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-formirovaniya-pravovoy-kultury-sovremennogo-obschestva> (дата обращения: 09.02.2019).
4. Большунов М.А. К вопросу о понятии правосознания // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. 2011. №2. С. 112-118. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-ponyatii-pravosoznaniya> (дата обращения: 06.02.2019).
5. Жарков А.Д. Государственная культурная политика на современном этапе: социально-культурный аспект // Вестник МГУКИ. 2016. №4 (72). С. 116-123. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-kulturnaya-politika-na-sovremennom-etape-sotsialno-kulturnyy-aspekt> (дата обращения: 03.03.2019).
6. Жигулин А.А. Правовая культура личности как форма правосознания // Территория науки. 2012. №3. С. 98-106. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-kultura-lichnosti-kak-forma-pravosoznaniya> (дата обращения: 09.02.2019).
7. Карташов В.Н. Правовая культура: понятие, структура, функции: монография / В.Н. Карташов, М.Г. Баумова; Яросл. гос. ун-т. – Ярославль: ЯрГУ, 2008. – 200 с. (Серия «Ярославская юридическая школа начала XXI века») URL: <http://www.lib.uniyar.ac.ru/edocs/iuni/20080902.pdf> (дата обращения: 07.02.2019)
8. Коломытцев Н.А., Одинцова Л.Н. Личность преступника как криминологическая проблема // НПЖ «Диалог». 2016. №3 (4). С. 42-53. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lichnost-prestupnika-kak-kriminologicheskaya-problema> (дата обращения: 09.02.2019).
9. Котенко В.А., Трифонов Ю.Н. Государственная культурная политика РФ и особенности её реализации на современном этапе // Ученые записки Тамбовского отделения РoCMY. 2017. №8. С. 31-38. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-kulturnaya-politika-rf-i-osobennosti-eyo-realizatsii-na-sovremennom-etape> (дата обращения: 03.03.2019).
10. Куликова А. В. Проблемы формирования правовой культуры населения России: автореф. дис. канд. социол. наук / А. В. Куликова. – Н. Новгород, 2005. – С.40 URL.: <http://www.dissercat.com/content/problemy-formirovaniyapravovoi-kultury-naseleniya-rossii> (дата обращения: 04.02.2019)

11. Лавринова Н. Н. Культурная политика // Аналитика культурологии. 2010. №17. С. 40-51. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnaya-politika> (дата обращения: 03.03.2019).
12. Лопарев, А. В. Конфликтология: учебник для академического бакалавриата / А. В. Лопарев, Д. Ю. Знаменский. – М.: Издательство Юрайт, 2017. – 290 с. – Серия: Бакалавр. Академический курс. URL: https://urait.ru/uploads/pdf_review/D145198D-0F8B-4588AC77D489A8F0AF1.pdf (дата обращения: 20.02.2019)
13. Лукин Ю.Ф. Конфликтология: управление конфликтами: учебник для вузов / Ю.Ф. Лукин. – М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2007. – 799 с. – (Gaudeamus; Фундаментальный учебник). URL: <https://narfu.ru/upload/medialibrary/5dc/konfliktologiya-uchebnik.pdf> (дата обращения: 19.02.2019)
14. Малков В.Д. Криминология: Учебник для вузов / под ред. проф. В.Д. Малкова – 27е изд., перераб. и доп. – М.: ЗАО «Юстицинформ», 2006. – 528 с.(Серия«Образование»)URL:https://lib.unidubna.ru/search/files/pr_malkov_kriminologiya/malkov_1.pdf (дата обращения: 18.02.2019)
15. Медведев, В. А. Правовая культура российского общества: Особенности и тенденции развития: автореф. дис. канд. юрид. наук / В. А. Медведев. – Чебоксары, 2004. – С. 213 URL: <http://www.dissercat.com/content/pravovaya-kulturarossiiskogo-obshchestva-osobennosti-i-tendentsii-razvitiya> (дата обращения: 05.02.2019)
16. Мириманова М. С. МБЗ Конфликтология: Учебник для студ. сред. пед. учеб. заведений. – 2-е изд., испр. – М.: Издательский центр «Академия», 2004. - 320 с. URL: www.al24.ru/wp-content/uploads/2014/01/мир_1.pdf (дата обращения: 16.02.2019)
17. Ожиганов Э.Н. Стратегическая культура: понятие и направления исследований // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2012. №2. С. 91-102. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategicheskaya-kultura-ponyatie-i-napravleniya-issledovaniy> (дата обращения: 15.02.2019).
18. Рыбаков В.А. Правосознание: к вопросу о понятии // Вестник ОмГУ. Серия. Право. 2015. №3 (44). С. 23-28. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravosoznanie-k-voprosu-o-ponyatii> (дата обращения: 07.02.2019).
19. Скобина Е.А. Сlepченко К.А. Захват заложников в уголовном праве России: история и современность // Научный аспект; № 4 - 2018 - Самара: Изд-во ООО «Аспект», 2018. С. 658-669. URL: <http://na-journal.ru/4-2018-gumanitarnye-nauki/1298-zahvat-zalozhnikov-v-ugolovnom-prave-rossii-istoriya-i-sovremennost> (дата обращения: 17.02.2019).
20. Флиер А.Я. Культурная политика и стратегии культурных взаимодействий // Вестник МГУКИ. 2016. №5 (73). С. 10-18. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnaya-politika-i-strategii-kulturnyh-vzaimodeystviy> (дата обращения: 03.03.2019).
21. Договор-юрист.Ру. Судебная практика. URL: <https://dogovor-urist.ru/> (дата обращения: 03.02.2019).

Cultural hybridization

UDC 316

Gluschenko V.M., Pronkin N.N. The degradation of society as a process of destruction of the individual, society and the state

Gluschenko V.M.

Doctor of Economics, Doctor of Military science, Professor, Honorary
Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation.
Moscow Metropolitan Governance University.

Pronkin N.N.

PhD in Economics, Associate professor of the First Moscow State
Medical I.M. Sechenov University of the Ministry of Healthcare of the Russian Federation
(Sechenov University)

***Abstract.** The article sets to analyze the current state of security as a system. In this regard degradation of societies is regarded as a process of destruction of the individual, the society and the state when it comes to threats and risks materialization in the vital spheres of a nation's existence.*

***Keywords:** security, degradation of society.*

Рецензент: Дудкина Ольга Владимировна, кандидат социологических наук, доцент. Донской государственный технический университет (ДГТУ), г. Ростов-на-Дону, Факультет «Сервис и туризм», кафедра «Сервис, туризм и индустрия гостеприимства»

The first 21st century decades have manifested themselves as qualitatively different from the previous epochs of the humanity's survival in the circumstances of multiple multifaceted challenges of both internal and external nature, of fierce fight against environmental threats mostly of human origin as the consequence of life sustenance.

The picture of today's world is full of paradoxes and contradictions, while some of scientific theories seem to be utterly absurd. Human knowledge has already reached beyond the limits of mundane thinking and lost the purity and the apparency of its notions of the world around us. Science is penetrating deeper and deeper into the domain where all its previous experience, methods and means have proven useless – that is into the realm of infinitely great and small quantities, where matter as such manifests itself so contrary to nature that the human mind is unable to perceive the meaning of things happening there. Paranormal phenomena are coming to the fore of research

activities, as well as psi technologies of their study, formerly known as a-scientific that are now being used at the cross-points of actual reality with the alternate reality.

In the paradoxical world of the alternate reality a particle is simultaneously a wave, may appear out of thin air and disappear likewise, can exchange information instantaneously, be in different places at one and the same time, time can go backwards from the future to the past and space can be multidimensional etc. However, almost all of these qualities have parallels and analogies in astrophysics and quantum mechanics [4]. A lot of empirical data has been collected by now that confirms the existence of the alternate reality as the noosphere's giant resonator. The scientific frame of reference for this research is the morality and ethics that rule out any commercial or promotion considerations. Psi technology being the main research method tackles the strange and inexplicable but real life facts of human soul such as telepathy, psychokinesis, clairvoyance et al. What underlies the method is the intuitive and sensuous approach to perception of information that reaches the human subconscious mind as intuitive enlightenments and insights under altered states of consciousness, aimed at the deepest possible immersion into the study subject matter.

At the same time a global paradox is looming today: the time of uncompromising struggle has come for the human race to oppose the degradation of the environment and all of its societal structures, including security structures of all levels. The struggle - by means of full-court restoration of the tattered biosphere, the utterly destroyed cultural, moral, intellectual and informational constituents of individuals and society, and by extension - by blocking the deep degeneration of all basic spheres of the life sustenance of mankind. Woefully the global strategic security blunders that have already been made by the humanity in the previous centuries cannot be mended by however grandiose national projects of individual states and their local alliances that make oftentimes controversial attempts to avert the imminent impending global catastrophe by tactical means.

An all-out consolidation of efforts by the entire human race is required today on a global scale to avert the already looming process of total degradation that corrupts the very essence and the intellectual faculty of the human mind and society. Tailoring of the future evolution of the humanity must proceed from the premise of its guaranteed survival on planet Earth in accordance with the natural laws of evolution and social development through the elaboration of closely interlinked global and regional projects and concepts that would provide security for individuals, nations, states and the entire human race based on universal norms and common decisions. Contrary to that, the growing realization of the need for the planetary unity is ineffective and is fraught with racial and ethnic hatred, class and social antagonisms, extremist and terrorist attacks against healthy globalism, plunging the world into multiple wars and conflicts, whereby the emotional fever pitch obscures the spiritual and moral foundations for a possible and so much needed international unity to oppose general degradation in the interests of common survival [6].

The hour of reckoning has come exposing the global threat of the new age - the beginning of the general degeneration of the human race as a result of wrongful utilization of the accumulated critical mass of new knowledge

and intellectual resources, all of which is leading to uncontrolled transformations in societal intellectual activity and its reproduction. Progress is no longer possible at the expense of unlimited consumption of material resources based on existing moral and ethical norms and values, customary survival indices and criteria, as well as the ensuing ways of life that lead to the loss of mental stability of both individual and society.

As a result, uncontrolled global population growth is under way putting its own security and reproduction quality at jeopardy, which breeds further threats of barbarism and terrorism acquiring omnipotence, against the background of unlimited growth of the power of means of mass destruction. The new age however must not become the time of a human rat race for survival of some societies at the expense of the others. This would be the path to global degradation and final demise. Academician Vernadsky's theory of biosphere development and its transition to a new state – noosphere holds that intellectually our civilization's future development will be determined by human Intelligence. The theory sets an objective of shaping a new society of a safe type based on upbringing, educating and developing a safe individual personality possessing the required intellectual, ethical and moral resources. A vitally important need has evolved of rising the security issues to the global noospheric level, and marrying up all the diverse scientific trends into one sole science oriented towards a safe existence of individuals, nations, states and the human race as a whole.

The new age that's upon us must be organized in a secure way in the interests of all social mediums and universal security. Global degradation of humankind must be checked by the mankind itself.

It's common knowledge that any change of a material system, as well as its new quality occurs due to addition or withdrawal of matter (energy). In the case of a social medium, however, its state is largely if not mainly determined by the imbedded immaterial (spiritual) constituent, which depends upon and at the same time strongly affects its material base. The pace of the social medium's transition into a new state depends upon the intensity of integrated amplitudes' impact, periodicity, duration, intensity and phase differential of negative and positive material and immaterial impacts in all the various spheres of life and categories of social medium's assets.

In historical materialism terms degradation of social mediums plays a significant role since human behavior, that of social systems and states, as well as their interrelations with other social mediums, communities, their political ambitions, spiritual and material values are a function of levels and potentials' characteristics of interacting negative (challenges) and positive impacts in various spheres of life and categories of social medium's assets. That said the negative impacts are predominant, since they represent the basis for spiritual and emotional perceptions and response reactions of individuals and society. Thus for individuals the basic elements of such reactions are defensive, material, spiritual, food and other instincts that guarantee survival and propagation. For the society and the state these are security and stability that guarantee the social mediums survival and sustainable development. The set of these characteristic basic elements of a social medium that are genetically ingrained guarantees its preservation over the course of the entire history, irrespective of both progress or degradation in whether spiritual or material spheres of human life, as well as of the pitch of social turmoil.

One has to recognize that based of the cyclic law of historical development the future can be predicted with various levels of probability by analogy with preceding events in similar social and political situations of the earlier historical periods.

The departing age of industrial civilization has created a multitude of separate and less than effective man-machine systems due to poor reliability of the elements base and equally poor functional adaptability of man to tough operating conditions of those systems. As a result industrial disasters and catastrophes are coming to the fore of social perils and threats, with 400 thousand annual victims in Russia alone and growing by 10-30% each year. American scientists of 1980s attempted to mathematically size the likelihood of an accidental nuclear exchange in the course of several decades. The chance of a nuclear catastrophe was calculated as 70% for the period of 50 years. That is to say that by 2030 this chance becomes a real probability. We would like to draw the readers' attention to the fact that this forecast is quite similar to that of Alexander Poluch (a Russian writer) regarding the possibility of a nuclear catastrophe somewhere around 2025, as laid down in his book "2013. Remembering the Future" [6].

Radical changes on the Russian economic scene in the late 20th century have led to the dismantling of the existing property relations, industrial potential, historically established ties, to criminalization of social and economic relations. They gave rise to theoretical, conceptual and practical security problems, have undermined the national spiritual bonds, and most importantly - the nation's Morale. The host of persistent internal and external national security threats facing Russia can only be warded off and its national interests can only be upheld and realized if based on the economy's sustainable development process backed by restoration of the nation's moral and spiritual values jettisoned in the years of perestroika. The strenuous efforts of President Putin and his team made it possible to consolidate the sympathies of 90% of the country's population to make that national task a reality. Russia's economic foundation however is still unstable and feeble [7]. The political system is not sufficiently developed. Most industries are not competitive. Public service is slacking. The Russian population figures are woefully coming down. Poverty is giving ground way too slowly. The people's spiritual and moral status is quite low. The international tensions still persist. Competitive strive in the world economy is not relaxing. All around Russia there thrive economically successful countries that can't wait to push Russia away from the lucrative world markets, while their clear economic advantage breeds their geopolitical ambitions. The role of muscle play in the international affairs remains critical, while the levels and the scale of the military threats compel states to regard military defense efforts as one of their overriding concerns.

At the same time the existing level of maturity of the world community and its production forces in all walks of life calls for notching new goals and tasks on the way to progress and prosperity, while checking the global degradation tendencies. Setting new goals of human development will help integrate states into world economy, upgrade both material and spiritual life, join forces to further space exploration, open new cutting-edge energy sources and materials that would boost our civilization, develop innovative technologies, engineering genetics,

novel energy-saving technologies, speed up the advent of new philosophical and conceptual ideas of democratic development, optimize individual and social thinking toward those goals.

The new goals and tasks though do not cancel out the laws of the dialectic. Reaching them today means staying on the tracks of globalization and integration of economy, politics and other walks of life; it involves concentration of resources for the sake of arriving at breakthrough solutions of social development. This is the path where acceleration and development inevitably go side by side with degradation, evolution, deformations and replacing social systems that are out-of-date. Success attends the nations that wisely and dynamically integrate into the world economy [7]. In this regard one cannot but be impressed by assertive strategically minded solutions and moves of Russia's President V. Putin of setting up the global system of energy safety and that of key national projects: boosting healthcare, sports, education and culture, cultivating moral and spiritual values, carrying out demographic revival of the nation, fast-track social and economic upturn of Russia's Far East region, along with central and southern districts et al. For Russia as a multinational federative state the notion of "national security" means security of the whole plenitude of nations and ethnic groups living in its territory and forming one whole super-ethnos. The constituent parts of Russia's security are: domestic affairs, foreign trade, geopolitics, economy, morale, ecology and other elements that exist as one system, are interdependent and interactive.

Social mediums' security in a broad sense is deemed as a treats free environment for them to thrive, which integral potential is however fraught with danger of giving rise to degradation processes, should security potential be insufficient to check degradation in a timely manner, that otherwise could eventually lead to the social mediums' demise. Therefore the sufficient security degree could be defined as a presumption of the absence of social degradation that requires exorbitant resources to timely avert or eliminate it.

Meant to resist social degradation are all spheres of the society's existence, the assets, the security system thereof – the main sources of positive development factors. The chief goal is to pinpoint characteristics, locations and the role of the existing and new threats and challenges, the risks for every social sphere, individually and as a whole, to prioritize place, time frames and ways for timely prevention, blocking and elimination of the threats in order to minimize the potential damage at the least cost. The basic optimization criteria is the minimum security degree achievable in a given social medium resulting from the chosen positive and negative degradation countermeasures. The security system efficiency index is the correlation of the prevented damage level with the potential integral damage level. Furthermore, the level of residual unaverted damage is an indicator of the probable level of social degradation in the event of potential damage becoming a reality [2].

The mathematical models' qualitative analysis describing consistent patterns of social degradation processes, shows their expressed harmonious nature with varying cyclicity of the component harmonic waves and oscillation amplitudes, that are subject to the laws of oscillation beats and resonance of the societal spiritual spheres, whereby complex harmonics possessing various amplitudes, frequencies and phases, when separate frequencies coalesce, form resonances and beats which amplitudes alternatively rise and fade. Conversely, social

degradation processes emerge when a critical mass of the involved positive or negative elements is reached in a critical point in time and space.

The indispensable condition of stable development (or degradation for that matter) of any process in a social medium is equilibrium or predominance of accumulated masses of positive (negative) elements thereof over negative (positive) elements in the critical points in time and space. If at any critical point in time and space the equilibrium is upset either way, the whole process is destabilized and passes into a new state of accelerated (decelerated) development or degradation. As a result normal management of a social medium means timely investment of sufficient facilities and resources to block and remove the accumulated of newly emerging external and internal threats. The prerequisite condition of the advent of degradation processes in a multipolar meta-system is the emergence of polarization processes of a social medium's goals and interests within its structure that cause degeneration of the multipolar meta-system into a bi-polar system with antagonistic and conflicting goals and interests of parties involved in critical points in space and time. The emerging conflicts of the actors' goals and interests or incoherence in what regards reaching common goals, breed complexes of threats and risks that create mutual negative critical masses within social mediums in various walks of life and property categories. A canonical social medium's degradation formula in each sphere at each moment in time is the derivative of accumulated unaverted damage in time equal to the difference between integrated potential damage and integrated averted damage in critical points of space and time. Therefore social degradation in any sphere is true if its functional value is greater than zero, that is to say that the tempo of negative risks potential accumulation is greater than that of positive potential aimed at averting degradation.

Risk management is an essential function of a security system, which efficiency is a gauge of expediency and justifiability of setting up and operating a security system under systematic impact of geopolitical, political, military, social, economic, financial, anthropogenic and other risks of various hierarchic levels. Analysis and simulation evaluation of operations and processes of security systems indicate that their critical fundamental properties are those of specific-purpose effect, input of time and resources, as well as risks involved.

Thus to meet the above criteria and indices involved in setting up a security system of various levels it is of paramount importance to provide for the highest level of their functional quality: the intellect, manageability, information awareness, self-discipline, secrecy and sustainability.

References

1. Gluschenko, V.M., Elizarov, V.S. and Luzyanin, V.P. On the national idea, evaluation and optimization criteria in potential damage modeling. M., Works of the MMGU, No.3. 2005.
2. Gluschenko, V.M., Elizarov, V.S. and Luzyanin, V.P. Phase space of societal development and degradation. M., Works of the MMGU, No.4. 2005.
3. National Security Concept of the Russian Federation. Russian gazette, 18.01.2000.
4. Loctionova, G. The reality of alternate reality. St.Petersburg. 2007
5. Luzyanin, V.P. Strategic stability and multipolar deterrence model. M., Evening Moscow gazette. No.8-9.1992.
6. Poluch, A.V. 2013. Remembering the future. M., Olma-Press. 2005.
7. Putin, V.V. President's Address to the Federal Assembly. M. 2003.
8. Encyclopedia. The wisdom of millennia. Comp. by Belyazin, V. Olma-Press. 2006.

Smart City Science Management

UDC 338.2

Bulankina E.V., Lebedeva E.V. Fundamentals of building a system of state support for small business in the Russian Federation

Основы построения системы государственной поддержки малого предпринимательства в РФ

Bulankina Ekaterina Vladimirovna,

Cand. a story. Sciences, Associate Professor
state and municipal government

Institute of Management Technology and the agr market of FSBEI HE Samara GAU,

Lebedeva Ekaterina Vasilievna

Cand. a story. Sciences, Associate Professor
state and municipal government

Institute of Management Technology

and agr market FSBEI HE Samara State Agrarian University

Буланкина Екатерина Владимировна,

канд. истор. наук, доцент кафедры

государственного и муниципального управления

Института управленческих технологий

и аграрного рынка ФГБОУ ВО Самарский ГАУ,

Лебедева Екатерина Васильевна

канд. истор. наук, доцент кафедры

государственного и муниципального управления

Института управленческих технологий и аграрного рынка ФГБОУ ВО Самарский ГАУ

Abstract. *The article discusses the mechanisms of state support of entrepreneurship in the Russian Federation. It was noted that in order to solve the country's socio-economic problems, the most optimal and effective solution is to stimulate state support of this sector and the internal development of this sector at the same time. That is why improving approaches to state support for small business development is relevant. The study found that the best result will be achieved through the modernization of both the institutions of the state support system for entrepreneurship and the mechanisms for its provision.*

Keywords: *small forms of entrepreneurship, state support, mechanisms of state support, the concept of development and support of entrepreneurship in the field of small business*

Аннотация. *В статье рассмотрены механизмы государственной поддержки предпринимательства в РФ. Отмечено, что для решения социально-экономических задач страны наиболее оптимальным и эффективным решением является стимулирование государственной поддержки этого сектора и внутреннее развитие данного сектора одновременно. Именно поэтому совершенствование подходов к государственной поддержке развития малого предпринимательства является актуальным. В ходе исследования было установлено, что наилучший результат будет достигнут посредством модернизации как институтов системы господдержки предпринимательства, так и механизмов ее оказания.*

Ключевые слова: *малые формы предпринимательства, государственная поддержка, механизмы государственной поддержки, концепция развития и поддержки предпринимательства в сфере малого бизнеса*

Рецензент: Харитоновна Марина Николаевна, к.э.н. доцент кафедры "Экономика и финансы".

СамГУПС

С учетом характера модернизационных процессов, происходящих в современной российской экономике, выделим один из наиболее важных, на наш взгляд, компонентов институционального развития малого предпринимательства. А именно - повышение роли государственных институтов в трансформационных процессах и институциональных реформах [5, с. 126].

Господдержка малого предпринимательства в настоящее время является определяющей в регулировании условий перспектив его развития. В то же время развитие малого бизнеса позволяет государству решать важнейшие социально-экономические задачи - снизить безработицу, насытить внутренний рынок товарами и услугами, сохранить здоровую конкурентную среду и т. д.

По нашему мнению, методологической базой такого совместного решения должен стать системный и институциональный подходы [3, с.79]. Это подразумевает развитие малого предпринимательства посредством обновления и институтов системы господдержки, и механизмов ее оказания. То есть развивать малое предпринимательство необходимо через совершенствование институтов его государственной поддержки.

Под инфраструктурой поддержки малого предпринимательства в законодательстве РФ понимается система организаций (коммерческих и некоммерческих), созданных и осуществляющих свою деятельность или привлеченных как поставщики, исполнители или подрядчики при размещении госзаказов при реализации федеральных и региональных программ развития малого и среднего предпринимательства. Сюда входят агентства и центры развития МП, фонды содействия кредитованию и поддержки малых предприятий, инвестиционные фонды (акционерные и закрытые), научные и технические парки, инновационные центры и поддержки субподряда, бизнес-инкубаторы, маркетинговые центры, учебно-деловые центры, агентства по поддержке экспорта товаров, лизинговые компании, консультационные центры и иные организации.

Однако современная система государственной поддержки предпринимательства имеет следующие недостатки [4, с.66]:

1. Отсутствует четкое определение сектора малого и среднего предпринимательства, нет критериев классификации предприятий в законе о господдержке, высокая налоговая нагрузка, рост платежей на обязательное социальное страхование, тенденция к измельчению предприятий и тенизации их деятельности, снижение основных показателей их развития, отсутствие стимулов для предпринимателей к расширению бизнеса, незащищенность государственных расходов на поддержку малого предпринимательства.

2. Отсутствие механизма оказания финансовой поддержки, отсутствие оперативного контроля за реализацией и достижением поставленных целей и задач господдержки малого предпринимательства,

относительная информационная закрытость о возможностях получения государственной помощи, усложнение учета и отчетности малых предприятий, непрозрачность принятия решения в сфере оказания финансовой господдержки и т.д.

Первым этапом совершенствования концепции государственной поддержки малого предпринимательства должно стать определение сущности термина «малые формы предпринимательства». Это позволит предотвратить злоупотребления и недобросовестную конкуренцию со стороны предприятий, имеющих доминирующее положение на локальных региональных рынках, и вытеснение с них малых фирм [1, с. 27].

Следующий этап реализации концепции - совершенствование критериев выделения субъектов предпринимательства в целях обеспечения им равного доступа в конкуренции за получение государственной поддержки. Размерность субъекта предпринимательской среды обуславливает виды и формы его государственной поддержки.

Важным этапом модернизации концепции системы государственной поддержки должна стать оптимизация процесса ее оказания. В настоящее время в процессе оказания господдержки очевидно, что многие госорганы дублируют одни и те же функции, а отдельные аспекты остаются вне ведения этих структур. В связи с этим необходимо провести более четкое разграничение функций и задач существующей инфраструктуры господдержки малого предпринимательства.

На заключительном этапе необходимо пересмотреть основы финансово-кредитной поддержки предприятий малого предпринимательства, сохранив льготные приоритеты [2, с. 410].

Таким образом, снижение административных барьеров продолжает оставаться одной из важнейших задач системы государственной поддержки малого предпринимательства. Деятельность органов, оказывающих господдержку малому предпринимательству, непрозрачна для предпринимателей ввиду их многообразия и отсутствия четкого распределения функций и задач между ними. На наш взгляд, реализация этой задачи обуславливает необходимость внедрения принципа «одного окна» в оказании господдержки.

Принцип «одного окна» кроме того, предполагает оказание консультационной и информационной поддержки. Зачастую предприниматели плохо осведомлены о возможностях получения бесплатной консультации от госорганов, которая должна оказываться работниками госорганов, включая и налоговых инспекторов. Как правило, у большинства предпринимателей есть потребность в получении консультативно-правовой поддержки, которая в настоящее время не может быть удовлетворена [6, с.245]. Между тем действующим законодательством предусмотрена возможность привлечения для оказания бесплатных консультаций адвокатов, юристов, специалистов госорганов.

На наш взгляд, происходит это, прежде всего, из-за не проработанности самой процедуры оказания бесплатных консультаций. При создании организации предприниматель при обращении в налоговую инспекцию, мог бы получить исчерпывающую информацию о выборе организационно-правовой формы,

налоговом режиме, специальных программах поддержки начинающих предпринимателей, наличии в этом муниципальном образовании помещений, представляемых на льготных условиях и т.д. Такими консультантами могли бы стать студенты старших курсов вузов экономических и юридических факультетов (на безвозмездной основе). Это позволит оказывать помощь широкому кругу предпринимателей, а студентам получить необходимые для дальнейшей работы навыки и опыт, а возможно, и трудоустроиться.

Поддержка старта новых субъектов малого предпринимательства и венчурного малого предпринимательства также, в первую очередь, состоит в ослаблении административных барьеров, что стимулирует создание большего числа новых малых предприятий.

Таким образом, реализация новой концепции малого предпринимательства и ее целей позволит обеспечить стабильное устойчивое развитие малого предпринимательства в РФ, способствовать инновационному развитию экономики.

References

1. Аликаева, М.В. Современные тенденции в развитии малого предпринимательства [Текст] / М.В. Аликаев // Российское предпринимательство. - 2013. - №4. - С.26-32.
2. Аликаева, М. В. Модернизационный вектор развития системы налогообложения малого предпринимательства [Текст] / М. В. Аликаева, М. Б. Ксанаева // Экономика и предпринимательство. - 2013. - №3. - С. 410-412.
3. Аликаева, М. В. Теоретические аспекты развития малого предпринимательства: институционально-эволюционный подход [Текст] / М. В. Аликаева, М. Б. Ксанаева // Предпринимательство. - 2016. - №6. - С. 78-81.
4. Блинов, А. О. Малые формы предпринимательства в современной модели рыночного хозяйствования России [Текст] / А. О. Блинов // Проблемы прогнозирования. - 2016. - № 1. - С. 65-74.
5. Виленский А.В. Парадокс поддержки малого бизнеса: предварительные итоги кризиса // Вопросы экономики. 2011. №6. С. 126-127.
6. Виленский, А. В. Особенности российского малого предпринимательства [Текст] / А. В. Виленский // Экономический журнал ВШЭ. - 2014. - Т. 8. - № 2. - С. 245-255.

Sustainability

UDC 338.24

Batkovsky A.M., Leonov A. V., Pronin A.Y. Rationale for rational options for diversification of innovation-active enterprises of the military-industrial complex

Обоснование рациональных вариантов диверсификации инновационно-активных предприятий оборонно-промышленного комплекса

Batkovsky Alexander Mikhailovich

Doctor of Economic Sciences,
Corresponding member
of the Academy of military Sciences, Moscow,

Leonov Alexander Vasilyevich

Doctor of Economics, Professor, leading researcher,
46 Central research Institute, Moscow

Pronin Alexey Yurievich

Candidate of technical Sciences,
senior researcher,
46 Central research Institute, Moscow

Батьковский Александр Михайлович

доктор экономических наук,

член-корреспондент

Академии военных наук, г. Москва,

Леонов Александр Васильевич

доктор экономических наук, профессор,

ведущий научный сотрудник,

46 ЦНИИ МО РФ, г. Москва

Пронин Алексей Юрьевич

кандидат технических наук,

старший научный сотрудник,

46 ЦНИИ МО РФ, г. Москва

Рецензент: Бородай Владимир Александрович – доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры «Сервис, туризм и индустрия гостеприимства», Донской государственной технической университет (ДГТУ). Государственный советник Ростовской области 3 класса, г. Ростов-на-Дону

Abstract. *The main subject of the study is the process of managing the diversification of innovation-active enterprises of the military-industrial complex. The complexity of the solution of this problem is determined by the specifics of the development of these enterprises in modern conditions. With the aim of solving the above problem is presented in the article the approach to increase the scientific validity of the plans and programmes of diversification. The proposed scientific and methodological tools provide the formation of possible options for the diversification of innovative and active enterprises of the military-industrial complex. It allows for the selection of rational options (option) of diversification. The developed tools are based on the basic principles of program-target development of innovation-active enterprises and the economy of military construction in modern conditions, the principles of economic justification of management decisions and the synergetic principle. It is an integral part of the methodology of technical and economic design of diversified structures. The toolkit includes three interrelated elements: the method of forming the area of possible diversification options; the method of technical and economic evaluation of diversification options and the method of evaluating the effectiveness of a diversified structure. The implementation of the proposed tools will help to improve the efficiency of the development of enterprises of the military-industrial complex.*

Keywords: *diversification, the defense-industrial complex, innovative enterprises, tools, management.*

Аннотация. Основным предметом исследования является процесс управления диверсификацией инновационно-активных предприятий оборонно-промышленного комплекса. Сложность решения данной задачи определяется спецификой развития указанных предприятий в современных условиях. С целью решения рассматриваемой задачи в статье представлен подход, обеспечивающий повышение научной обоснованности планов и программ диверсификации. Предлагаемый научно-методический инструментарий обеспечивает формирование области возможных вариантов диверсификации инновационно-активных предприятий оборонно-промышленного комплекса. Он позволяет проводить выбор рациональных вариантов (варианта) диверсификации. Разработанный инструментарий основан на базовых принципах программно-целевого развития инновационно-активных предприятий и экономики военного строительства в современных условиях, принципах экономического обоснования управленческих решений и синергетическом принципе. Он является неотъемлемой составной частью методологии технико-экономического проектирования диверсифицированных структур. Инструментарий включает три взаимосвязанных элемента: методику формирования области возможных вариантов диверсификации; методику технико-экономической оценки вариантов диверсификации и методику оценки эффективности диверсифицированной структуры. Реализация предлагаемого инструментария будет способствовать повышению эффективности развития предприятий оборонно-промышленного комплекса.

Ключевые слова: *диверсификация, оборонно-промышленный комплекс, инновационно-активные предприятие, инструментарий, управление.*

Введение

Диверсификация инновационно-активных предприятий оборонно-промышленного комплекса (ОПК) с ориентацией на совместный выпуск высокотехнологичной продукции военного и гражданского назначения является одной из важнейших проблем их развития в настоящее время [1]. Острая необходимость решения этой проблемы вызвана тем, что широкомасштабное перевооружение Вооруженных Сил РФ на современные виды продукции военного назначения закончится к 2020 году. После этого должен наступить спад объемов поставок данной продукции и мощности инновационно-активных предприятий ОПК могут оказаться невостребованными. Поэтому поставлена задача формирования программы диверсификации данных предприятий на основе использования методологии программно-целевого планирования [2; 3].

Методы и методики

Методика формирования области возможных вариантов диверсификации

Данная методика предусматривает поэтапное определение области возможных вариантов диверсификации:

этап 1 – формирование исходных данных в том числе:

$I (I = 1, \dots, I)$ – множество инновационно-активных предприятий, которые предполагается включить в состав диверсифицированной структуры (ДС);

$J (j = 1, \dots, J)$ – виды высокотехнологичной продукции (товаров, работ и услуг), производимой на инновационно-активных предприятиях;

этап 2 – определение показателей экономической эффективности (W_{ij}^0) и затрат (C_{ij}^0) на производство высокотехнологичной продукции j -го вида на инновационно-активных предприятиях i -го типа (до диверсификации);

этап 3 – определение показателей экономической эффективности (W_{ij}^{DP}) и затрат (C_{ij}^{DP}) на производство продукции j -го вида на инновационно-активных предприятиях i -го типа (после диверсификации);

этап 4 – определение показателей эффективности (W^M) и затрат (C^M) на производство всех видов высокотехнологичной продукции на всех инновационно-активных предприятиях одного технологического направления, т.е. одного технологического кластера;

этап 5 – определение показателей эффективности (W^{DS}) и затрат (C^{DS}) на производство высокотехнологичной продукции (товаров, работ и услуг) в диверсифицированной структуре (рисунок 1).

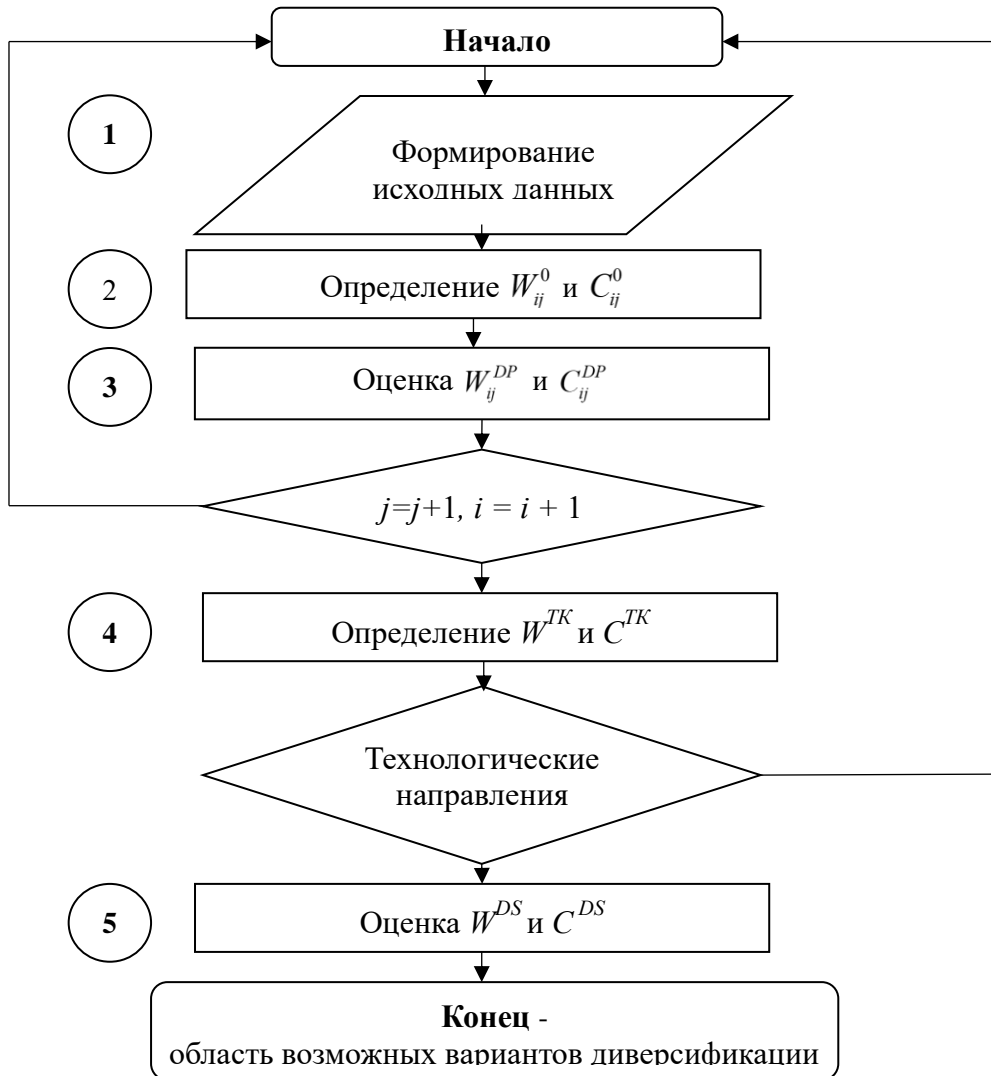

Рисунок 1. Алгоритм формирования области возможных вариантов диверсификации

Алгоритмические циклы в данной методике организованы по следующим признакам:

- виды высокотехнологичной продукции, производимые инновационно-активными предприятиями, $J(j = 1, \dots, J)$;
- виды инновационно-активных предприятий, $I(i = 1, \dots, I)$;
- технологические направления деятельности диверсифицированной структуры.

В качестве допущения целесообразно принять, что производство разнородной продукции на инновационно-активных предприятиях является независимым, а технологические кластеры – технологически непересекающиеся [4].

Предлагаемая методика обеспечивает: формирование области возможных вариантов интеграции инновационно-активных предприятий в состав диверсифицированной структуры на основе анализа эффективности (W) и затрат (C) на производство высокотехнологичной продукции. В результате решения рассматриваемой задачи формируется область потенциально возможных вариантов диверсификации на планируемом отрезке времени и в заданном диапазоне возможных затрат [5]. Следует отметить, что сформированная область включает в себя все множество потенциально возможных вариантов диверсификации [6]. Это означает, что в данную область могут входить различные по эффективности и затратам варианты, в том числе те, которые обеспечивают приращение показателей экономической эффективности предприятий при равных (или меньших затратах) и те, которые не удовлетворяют этому условию [7; 8].

Искомая область рациональных вариантов диверсификации определяется исходя из следующих критериальных условий:

$$\begin{aligned} W^{DS} &\geq W^{TK} \geq W_{ij}^{DP} \geq W_{ij}^0; \\ C^{DS} &\leq C^{TK} \leq C_{ij}^{DP} \leq C_{ij}^0 \end{aligned} \quad (1)$$

Под рациональным вариантом диверсификации в данном случае понимается вариант состава инновационно-активных предприятий и выпускаемой ими продукции, обеспечивающие приращение экономических показателей или минимизацию затрат на выпуск той же продукции [9]. При этом зависимость показателя экономической эффективности предприятия W_{ij}^0 (C_{ij}^0) по производству продукции j -го вида на инновационно-активных предприятиях i -го типа от планируемого объема затрат C_{ij}^0 предполагается априорно известной.

Методика экономической оценки и выбора рациональных вариантов диверсификации

Методика экономической оценки и выбора рациональных вариантов диверсификации включает следующие основные этапы:

этап 1 – формирование множества эффективных вариантов диверсификации (множество Парето), в котором:

$$W^{DS} \geq W^{TK} \geq W_{ij}^{DP} \geq W_{ij}^0 \quad (2)$$

$$\text{при } C^{DS} \leq C^{TK} \leq C_{ij}^{DP} \leq C_{ij}^0 \leq C_{ireb}$$

этап 2 – выбор рациональных вариантов диверсификации по критерию $\Delta W(\Delta C) \rightarrow \max$. При этом возможны два основных направления экономической оценки:

этап 3а – максимальное приращение экономических показателей эффективности ΔW при фиксированных затратах:

$$\Delta W^{DS} = W^{DS} \cdot (W^{TK}, W_{ij}^{DP}) - W_{ij}^0 \rightarrow \max \quad (3)$$

$$\text{при } C^{DS} \leq C^{TK} \leq C_{ij}^{DP} \leq C_{ij}^0 \leq C_{treb}$$

этап 3б - максимальное снижение затрат $\Delta C \rightarrow \max$ при фиксированных экономических показателях эффективности:

$$\Delta C^{DS} = C^{DS} \cdot (C^{TK}, C_{ij}^{DP}) - C_{ij}^0 \rightarrow \max \quad (4)$$

$$\text{при } W^{DS} \cdot (W^{TK}, W_{ij}^{DP}, W_{ij}^0) \geq W_{zad}$$

этап 4 - выбор рациональных вариантов диверсификации инновационно-активных предприятий с учетом дополнительной системы критериев, например: T - реализуемость вариантов.

В принципе, решение задачи выбора рациональных вариантов из парето-оптимального множества несравнимых (недоминируемых или компромиссных) вариантов (по ΔW и ΔC) является неформальным моментом в экономическом обосновании диверсификации.

В зависимости от предпочтений лица принимающего решения, кроме вышеназванных критериев, в практике экономического обоснования диверсифицированной структуры могут быть использованы и другие дополнительные критерии, например: $\Delta W = W/C$ - приращение эффективности на единицу вложенных финансовых средств [10; 11]. Правомочность использования данного критерия обусловлена тем, что величина C при обосновании проекта диверсифицированной структуры практически всегда будет больше 0, $C > 0$. Но, в любом случае ответственность за выбор того или иного альтернативного варианта диверсификации полностью лежит на лице, принимающем решение [12].

Использование предлагаемой многоступенчатой процедуры выбора по вектору рассмотренных критериев позволяет значительно сузить область рациональных вариантов диверсификации практически до счетного их количества, а может даже до одного единственного. В то же время использование этой процедуры требует выстраивания названных выше критериев выбора в порядке их важности, например, с использованием соответствующих методов многовекторного ранжирования [13; 14];

этап 5 - определение рационального состава инновационно-активных предприятий (и выпускаемых ими видов продукции) в составе диверсифицированной структуры, которые обеспечивают требуемую синергию и соответствующий ей синергетический (интегративный) эффект - $\Delta W(\Delta C) \rightarrow \max$ [15].

В данном случае синергия (с греческого - сотрудничество, содружество, совместное действие) означает такое взаимодействие различных видов инновационно-активных предприятий, которые вступают в партнерство друг с другом и которое приводит к их целостному действию. В конечном итоге, под синергией понимают пользу, полученную от комбинирования двух или более элементов так, что продуктивность этой комбинации выше, чем сумма ее отдельных элементов. Указанная польза измеряется превышением стоимости объединения инновационно-активных предприятий по сравнению с суммарной стоимостью этих предприятий до объединения, т.е. добавленной стоимостью, называемой синергетическим эффектом [16].

С количественной точки зрения синергия оценивается с использованием понятия синергетический эффект. В данном случае синергетический (интегративный) эффект – это приращение экономического показателя эффективности или снижение затрат в результате создания диверсифицированной структуры, который (эффект) недостижим в случае отдельного независимого рассмотрения субъектов экономических отношений [17]. Важнейшим фактором увеличения синергетического эффекта является повышение качества, конкурентоспособности и технического уровня выпускаемой продукции. Это достигается за счет интеграции всех стадий жизненного цикла высокотехнологичной продукции в рамках единой корпоративной системы управления, устранения избыточных и дублирующих подразделений, перехода на инновационные, ресурсосберегающие технологии и внедрения систем менеджмента качества [18].

Наиболее удобной формой представления процесса формирования синергетического эффекта является синергетический (технологический) кластер инновационно-активных предприятий, объединенных по технологическому признаку. Синергетический (технологический) кластер в данном случае представляет собой новый объект, свойства которого не сводятся к простой сумме свойств составляющих его элементов, что является предпосылкой для формирования соответствующих интегративных эффектов (военно-технических, экономических, технологических и др.). Однако для решения этой задачи требуется разработка технологий оперативного формирования кластеров переменной конфигурации в зависимости от выбранного аспекта рассмотрения проблемы диверсификации в контексте всевозможных аспектов, форм, видов типов диверсификации и их свойств [19].

Таким образом, предлагаемая методика обеспечивает проведение экономической оценки вариантов диверсификации и выбор рационального варианта по критерию $\Delta W (\Delta C) \rightarrow \max$. Ее целесообразно использовать для технико-экономической оценки вариантов диверсификации инновационно-активных предприятий в составе вертикально-интегрированных структур, а также для технико-экономической оценки вариантов их производственно-технологического построения [20].

Методика оценки эффективности диверсифицированной структуры

Для оценки эффективности диверсифицированной структуры предлагается использовать следующие показатели:

F_1 – показатель общей платежеспособности предприятия;

F_2 – рентабельность собственного капитала предприятия;

F_3 – коэффициент капитализации предприятия;

F_4 – коэффициент менеджмента (определяется как отношение выручки от реализации к текущим обязательствам предприятия);

F_5 – коэффициент обеспеченности предприятия собственными средствами.

В отличие от Z-модели, в которой оценка финансовой устойчивости предприятия осуществляется с учетом ранжирования степени влияния каждого финансового показателя на общую платежеспособность, в

предлагаемой методике оценки эффективности диверсифицированной структуры нет необходимости вводить дополнительное ранжирование финансовых показателей. Поэтому предлагаемая модель оценки эффективности диверсифицированной структуры имеет следующий вид:

$$R^* = F_1 + F_2 + F_3 + F_4 + F_5 > 0 \quad (5)$$

Алгоритм использования разработанной методики оценки эффективности диверсифицированной структуры приведен на рисунке 2.

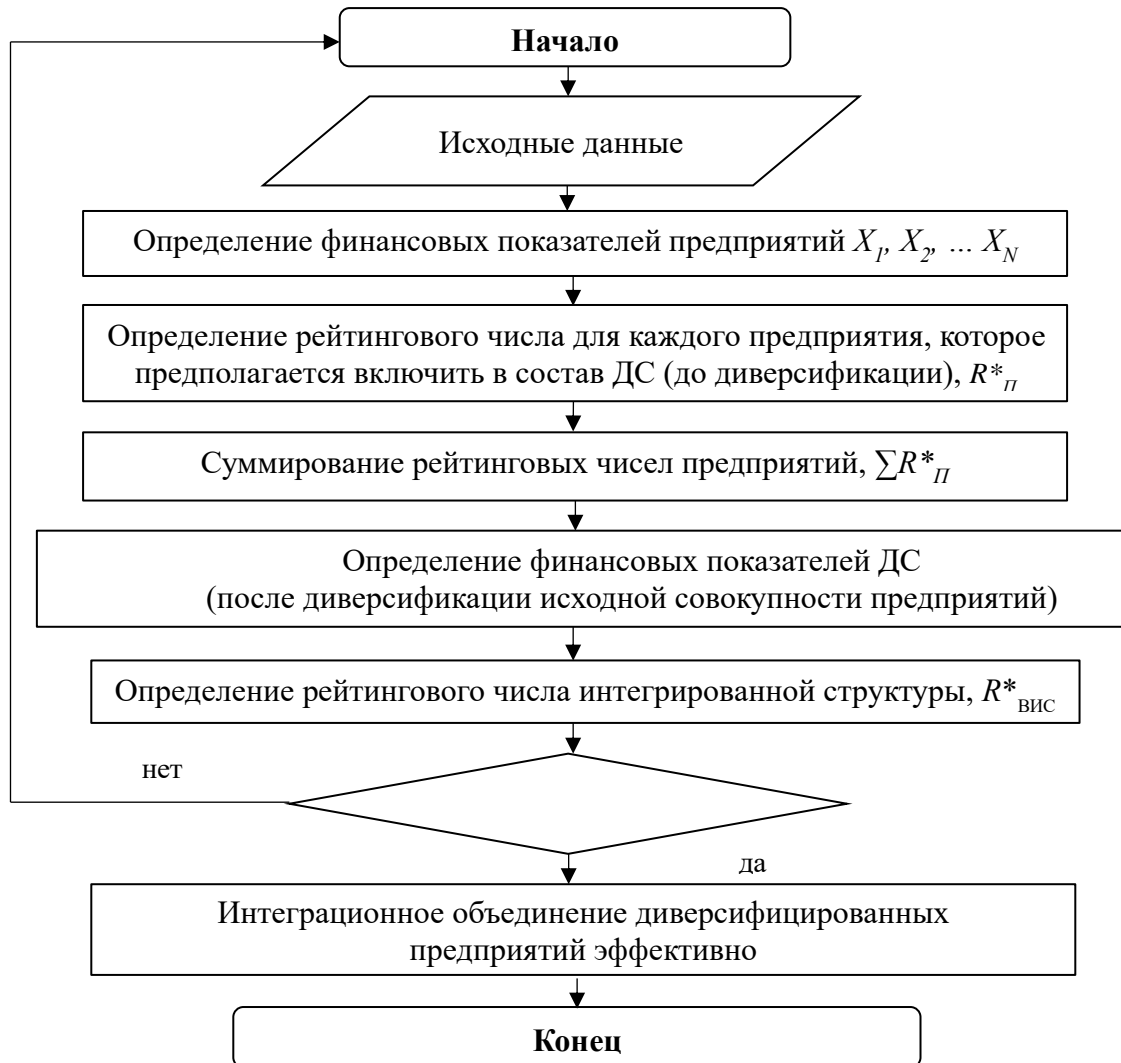

Рисунок 2. Этапы оценки эффективности диверсифицированной структуры

Данный алгоритм включает в себя следующие этапы:

- определение (расчет) финансовых показателей, входящих в состав расчетной формулы (5);

- определение рейтингового числа для каждого инновационно-активных предприятий, которое предполагается включить в состав диверсифицированной структуры (до диверсификации);
- суммирование рейтинговых чисел предприятий;
- определение финансовых показателей диверсифицированной структуры в результате диверсификации исходных инновационно-активных предприятий;
- определение (расчет) рейтингового числа диверсифицированной структуры.

Если рейтинговое число диверсифицированной структуры превышает значение суммарного рейтингового числа отдельно взятых инновационно-активных предприятий до их диверсификации, то объединение эффективно, если нет, то объединение – нецелесообразно.

Результаты и дискуссии

Эффект от диверсификации и интеграции инновационно-активных предприятий оборонно-промышленного комплекса при традиционной схеме оценивался ранее с точки зрения максимизации прибыли и роста капитализации их объединения, обеспечивающего повышение стоимости бизнеса, рассматриваемого как дополнительный показатель эффективности деятельности диверсифицированной структуры [21; 22].

Синергетический эффект от интеграции с использованием разработанных методик предложено оценивать, как рост выбранных финансовых показателей диверсифицированной структуры после объединения инновационно-активных предприятий по сравнению с суммой этих показателей до объединения. В основу решения этой научной задачи положена методология структурного синтеза, которая представляет собой целостную совокупность теоретических и методических подходов, принципов, методов и способов создания и повышения эффективности диверсифицированных структур, основанных на использовании современных организационно-экономических механизмов, объединенных единым замыслом, и позволяющих рациональным образом управлять организационными структурами, включенными в диверсифицированную структуру.

Практическое использование предлагаемой методики возможно на основе официально публикуемых отчетов о деятельности предприятий и не требует дополнительной экономической информации, которая, как правило, является конфиденциальной.

Выводы

Недостаточная теоретическая разработанность проблемы диверсификации инновационно-активных предприятий привела к использованию на практике эмпирических методов «проб и ошибок», не соответствующих современному уровню сложности и степени ответственности принятия управленческих решений в оборонно-промышленном комплексе. Без наличия соответствующего научно-методического, технико-экономического обоснования диверсификации данный процесс может вызвать серьезные сложности, связанные с сокращением или остановкой производства, снижением рентабельности,

нарушением кооперационных цепочек и т.д., что в целом для страны повышает угрозы для социально-экономической стабильности. Для решения этой задачи разработана ее формализованная постановка с использованием обоснованной системы критериев и показателей экономической эффективности диверсификации.

Предлагаемые научно обоснованные методики должны стать основой для нормативного обеспечения процесса диверсификации инновационно-активных предприятий.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-00-00012 (№18-00-00008) КОМФИ.

References

1. Леонов А.В., Пронин А.Ю. Инновационно-технологические пути обеспечения национальной безопасности России. – М.: ИНФРА-М, 2018. 268 с.
2. Буренок В.М., Дурнев Р.А., Крюков К.Ю. Диверсификация оборонно-промышленного комплекса: подход к моделированию процесса // Вооружение и экономика. 2018. № 1 (43). С. 41–47
3. Попович Л.Г., Дроговоз П.А., Калачанов В.Д. Управление инновационно-инвестиционной деятельностью предприятия оборонно-промышленного комплекса в условиях диверсификации. – М.: Изд-во «ВАШ ФОРМАТ», 2018. 228 с.
4. Батьковский А.М., Семенова Е.Г., Фомина А.В. Прогнозирование и оценка инновационного развития экономических систем // Вопросы радиоэлектроники, серия Общетеchnическая (ОТ). Выпуск 1. 2015. № 2. С. 280-303
5. Авдонин Б.Н., Батьковский А.М., Кравчук П.В. Теоретические основы и инструментарий управления развитием высокотехнологичных предприятий // Электронная промышленность. 2014. №2. С. 112-121
6. Никитин С.А., Тарасова И.А. Координация стратегий специализации и диверсификации в процессе функционирования промышленного предприятия // Дискуссия. 2016. № 2 (65). С. 33-38
7. Колбачев Е.Б., Передерий М.В. Планирование развития организационных структур и бизнес-процессов как инновационная задача // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2015. № 1. С. 4–10
8. Авдонин Б.Н., Батьковский А.М., Батьковский М.А. Теоретические основы и инструментарий управления инновационной модернизацией предприятий оборонно-промышленного комплекса // Вопросы радиоэлектроники, серия Электронная вычислительная техника (ЭВТ). 2014. № 2. С. 35-47
9. Сазонов А.А., Колосова В.В., Внучков Ю.А. Методы оценки и анализа экономической эффективности инновационной деятельности предприятия. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Экономика. 2018. № 2. С. 180-187
10. Батьковский А.М., Булава И.В., Мингалиев К.Н. Макроэкономический анализ уровня и

возможностей финансового обеспечения военной безопасности России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2009. № 21. С. 58-65

11. Туккель И.Л., Голубев С.А., Сурина А.В., Цветкова Н.А. Методы и инструменты управления инновационным развитием промышленных предприятий / Под ред. И. Л. Туккеля. – СПб.: БХВ-Петербург. 2013. 208 с.

12. Яшин С.Н., Амбарцумян А.Э., Лапшина Е.Н. Интегральная оценка инновационного развития предприятия как основа принятия управленческих решений // Креативная экономика. 2018. Т. 12. № 2. С. 167-176

13. Box G.E.P., Jenkins G.M., Reinsel G.C., Ljung G.M. Time Series Analysis: Forecasting and Control. Wiley, 2015. 712 p.

14. Авдонин Б.Н., Батьковский А.М., Мингалиев К.Н., Батьковский М.А. Развитие инструментария оценки финансовой устойчивости предприятий оборонно-промышленного комплекса // Международный бухгалтерский учет. 2014. № 11 (305). С. 55–66

15. Franses P.H., Van Dijk D., Opschoor A. Time Series Models for Business and Economic Forecasting. Cambridge University Press. 2014. 312 p.

16. Тюлин А.Е., Чурсин А.А. Основы управления инновационными процессами в наукоемких отраслях промышленности (практика). – М.: Экономика. 2017. 391 с.

17. Harrington H. Business process improvement. The breakthrough strategy for total quality, productivity and competitiveness. – N.Y.: McGraw-Hill. 2002. 274 p.

17. Авдонин Б.Н., Батьковский А.М., Батьковский М.А. Tools to minimize risk under development of high-tech products. (Инструментарий минимизации рисков при разработке высокотехнологичной продукции) // Экономика, статистика и информатика. Вестник УМО. 2014. № 3. С. 116–120

18. Backström T., Fundin A., Johansson P.E. Innovative Quality Improvements in Operations: Introducing Emergent Quality Management. Springer. 2017. 255 p.

19. Дроговоз П.А. Методы проектирования системы управления инновационной деятельностью оборонно-промышленной корпорации // Аудит и финансовый анализ. 2007. № 4. С. 405-419

20. Батьковский А.М. Экономико-математический инструментарий анализа инновационной деятельности высокотехнологичных предприятий // Экономический анализ: теория и практика. 2011. № 12. С. 51-60

21. Курятников А.Б., Линдер Н.В. Особенности построения корпоративных инновационных систем холдингов: управление инновационными процессами холдинга // Стратегии бизнеса. 2015. № 8 (16). С. 16-24

22. Батьковский А.М., Батьковский М.А., Калачанов В.Д. Оптимизация процессов концентрации и специализации производства продукции в оборонно-промышленном комплексе // Радиопромышленность.

2014. № 3. С. 171–181

UDC 327

Khlopov O.A. Cooperative Approaches to Global Environmental Problems

Khlopov Oleg Anatolyevich

PhD, Political Science, Associate Professor,

Department of American Studies

Russian State University for the Humanities (Moscow)

***Abstract.** The articles analyses the global environment issues and climate change problems and the efforts that international community have taken up to solve them. For the past decades some very important agreements on dealing with sustainable development were reached under the leading work of the United Nations, but there are still some disagreement on the methods of solving and protecting our global ecosystems and shared resources. Today the protection of global environment has turned out to be an impossible task for closes cooperation. The author argue that the f better way to integrate regional and transnational initiatives to address environmental problems from the local to the global level.*

***Keywords:** global environment, climate change, sustainable development, Earth summit, cooperation, USA.*

Рецензент: Дудкина Ольга Владимировна, кандидат социологических наук, доцент. Донской государственный технический университет (ДГТУ), г. Ростов-на-Дону, Факультет «Сервис и туризм», кафедра «Сервис, туризм и индустрия гостеприимства»

Introduction

The population of our planet today is more than 7 billion people, and the ability to ensure that every person is under threat as a result of further population growth, climate change, deforestation, reduction in fisheries, air pollution and lack of fresh water. Contemporary global environmental issues go beyond climate change (or global warming). One element that is often overlooked is the complex relationship between people and their environment, which raises a number of important issues in international relations.

In the period from 1900 to 2000 world population increased four times. This growth, coupled with the drastic climate changes and is compounded by the rapid industrialization and urbanizing, which put pressure on the ability of the planet to support life. We must now recognize that the environment is one of the areas where more remains to be done, especially because joint approaches to environmental protection have been very mixed.

First of all it must be emphasized that climate change is not a new phenomenon, and the idea that the Earth's climate is changing is not inherently controversial. For example, it is widely known that the last ice age ended ten thousand years ago. However, the current controversy is based on differences about the pace, causes and

consequences of climate change. How fast will changes occur? Move if these changes are mainly due to natural phenomena or man-made causes? The impact of these changes within and on the biosphere as a whole?

The answers to these questions are crucial for the development of effective policy in the field of environmental protection and national security. Disagreements about climate change still remain. But now we can see dramatic evidence of climate change - melting ice, the disappearance of snow on mount Kilimanjaro or the expansion of deserts in Africa. Each fact provides ready proof that the climate is changing, although the pace of change is still disputed. However, the prevailing scientific theory predicts that the gradual change of temperature will lead to an increase in surface temperature of 0.2 degrees Celsius every ten years [5].

Although these changes happen slowly, they can already be seen in the Arctic and glacial parts of the world. For example, some evidence suggests that all the glaciers in glacier Park in Montana will disappear by 2030. According to the world meteorological Organization, "2016 was the warmest for all history of observations, the temperature of the earth as a whole has increased by 1.1 degree Celsius higher than in pre-industrial period as 0.06 degrees above the previous record level in 2015. Global sea levels continued to rise and Arctic sea-ice extent was much below average during most of the year" [12]

In the United States, there has been controversy about whether there was an unprecedented season of severe hurricanes in 2017, which caused such great damage and loss of life in the States of Texas, Florida and the United States associated with global warming.

International Conferences on Climate Change

It is often difficult to assess whether international cooperative efforts have had any real impact on addressing climate change. One assessment is given at international environmental conferences. These large-scale events bring together representatives of national governments, intergovernmental, non-governmental organizations, scientists and industry to take part in discussions about the state of the environment. What makes these conferences interesting is that their goal is to work out joint efforts to reach agreement and consensus on specific strategies for protecting the environment and solving global problems.

Historically, two environmental issues have attracted the most attention of scientists and politicians - climate change and biodiversity. Both of these problems arose at the Earth Summit in Rio de Janeiro in 1992, which was officially called the United Nations Conference on Environment and Development. However, most scholars recall the 1972 Stockholm United Nations Conference on the Environment as the first large-scale environmental conference, which was the starting point for the first global environmental mechanism, the creation of the United Nations Environment Program (UNEP). This conference was also the first in which participants directly linked human health to the environment and a healthy ecosystem.

The second step in global environmental governance was the Brundtland Report in 1987. This report emphasized the need for a new development model because we cannot just use our resources and it is determined that sustainable development consists of three main components: economic, environmental and social [10].

The third step was the 1992 Earth Summit (UN Conference on Environment and Development (UNCED), also known as the Rio Summit), which recognized two important environmental issues - loss of biodiversity, rapid climate change and the need to respond to these problems. The conference adopted a framework convention on climate change, which states that "climate change is directly or indirectly related to human activities, which changes the composition of the global atmosphere and complements the natural climate variability observed over comparable periods of time" [14].

161 States have signed the declaration on the need of the model of global development that would allow future generations to live within your means. The fact that so many States have reached agreement on the concept of sustainable development became a key contribution of the "Earth Summit" Participation of activists has become the norm in international conferences on environmental issues, starting with the summit in Rio. Non-governmental organization from the very beginning was considered as part of the negotiations, and in them took part more than 2000 representatives of non-governmental organizations.

The fourth step was the Johannesburg world summit on sustainable development 2002. The goal was to establish an intergovernmental, interdisciplinary partnerships. Theoretically, this helps to strengthen the interaction of environmental activists with national governments [1].

The UN conference on Sustainable Development 2012 (also known as "Rio + 20") had established mechanisms for the implementation of commitments on sustainable development. Not the participants also stressed the urgency of specific challenges for development and the need to transition to broader goals of sustainable development. In the outcome document of this conference identified specific regional initiatives for sustainable development [11].

In September 2015 the UN General Assembly adopted the "universal, Comprehensive and transformative agenda in the area of sustainable development for the period to 2030, and 17 sustainable development goals, which must be implemented and achieved in each country from 2016 to 2030 [9].

The Paris Agreement of 2015 was a reflection of the consensus among a number of countries about the need to do something to maintain global warming below two degrees Celsius. The fact that the agreement was reached, was groundbreaking for the world community of climate negotiations. Previous negotiations were marked by disagreement and lack of consensus on a strategy to force countries to reach internationally agreed goals in respect of carbon dioxide emissions. Carbon dioxide, emitted mainly by burning fossil fuels such as oil, natural gas and coal for energy production, is the main cause of global warming [7].

Nonetheless, the Paris agreement showed that many countries failed to agree on specific goals, objectives and policies necessary to combat global environmental change. Climate change is not the only environmental

problem facing our planet. One of the most neglected issues is water. While the earth is two thirds covered by water, fresh water suitable for drinking and use in agriculture, sometimes heavily disputed by neighboring States in the shortage of a growing population.

Thus, access to water is another problem of great concern. Despite the fact that many other problems remain in the area of climate and environment, it is likely that global water management will be one of the main tasks on the agenda in the near future. But it is very important that countries are able to achieve cooperation to protect the global resources of the planet, which is so essential to life and public goods.

International and National Environmental Policy

Global environmental issues are global in nature. However, international cooperation in this area is difficult to achieve. The example of the USA shows that strong countries allow them to avoid cooperating for various reasons. For many years the United States refused to sign the Kyoto Protocol (the forerunner of the 2015 Paris Agreement), thereby blocking many international efforts to reduce carbon emissions. It is difficult to make countries commit themselves to specific environmental goals or to achieve emission reduction targets (in climate policy) or to set standards for pollution in rivers (for water policy). Each nation has its own national interests and development goals, which may conflict with the policies of other states and that which make cooperation elusive [3].

Some of the most popular international environmental agreements are related to climate change, such as the Kyoto Protocol/ But others, less well-known examples, such as the Aarhus Convention on access to information, public participation in decision-making and access to justice on issues, relating to the environment. are equally important [6].

One of the biggest problems for humans at the individual level on environmental issues is the lack of information. The signatories to the Aarhus Convention have entered into a data exchange agreement, which allows citizens to understand the potential risks they face with regard to the handling and release of chemicals. This information also helps environmental activists monitor industrial enterprises and monitor that they are reducing their pollutant emissions.

Environmental security has recently become an important component that influences US strategic defense and military policies. The United States military noted that climate change is one of the main causes of modern disputes and conflicts. In 2007 Admiral Thomas Joseph Lopez, former US Navy Commander-in-Chief in Europe/Supreme Allied Commander-in-Chief of Southern Europe, identified the links between climate change, instability and security issues: “increased poverty, forced migration, increased unemployment. These conditions are ripe for extremists and terrorists”.

Lopez is a member of a group of senior retired military men who, in their report on national security and the threat of climate change, explained that the United States should be prepared to respond to natural disasters, epidemics, diseases, and other tragedies related to climate change.

Military experts believe that humanitarian assistance, elimination of consequences of natural disasters, and stability operations will be permanent characteristics of future military operations. This perspective is increasingly reflected in military journals, articles and conferences and in US .military educational institutions.

The Pentagon is now considering a gradual warming and abrupt climate change as important factors leading to economic crises, changing borders and global conflict. In the defense review of 2014 Department of Defense stated that "the pressures caused by climate change, will affect competition for resources, which will place an additional burden on the economy, society and the state around the world. These trends are multipliers threats that will aggravate stressors such as poverty, the deterioration of the environment, political instability and social tension and to create conditions that can facilitate terrorist activity and other forms of violence" [16].

In 2015, the Pentagon specifically requested that each command of the armed forces of the United States have assessed the risks of climate change, the ways in which commanders will be able to integrate measures to reduce these risks in the planning process and the allocation of resources necessary for effective response [8]. Recently in the armed services Committee of the Senate with approval of the Minister of defense in the 2017 General of the U.S. marine corps, retired James N. Mattis said he believes that climate change is a threat to national security, "which affects the stability of States, areas of the world where our troops are today". In addition George. Mattis noted that "the military should consider the effects of climate change, such as open water in the Arctic and drought in the disputed areas of the world that have an impact on the conduct of military operations" [2]

These perspectives of security in relation to climate change generally focus on the harmful effects of climate change on weaker States, which may hinder the achievement of the objectives of the US and the conduct of military operations in certain regions. The country with the traditional boundary disputes can wage war for control of the water or face the instability through mass migration in search of access to food. Climate change could also exacerbate the effects of natural disasters, making international humanitarian and military aid even more necessary.

Despite the fact that states with different abilities and different degrees of technical competence for protection from natural disaster, the number of countries with laws that regulate the protection of the environment has drastically increased [4].

There are also many other problems that distract the government's attention from environmental problems. More regulation in some industries with heavy pollution such as coal and steel may have a negative impact on jobs. The establishment of "green" taxes directly or through electricity tariffs, it also can become a burden to taxpayers and businesses. Thus, sometimes there is a tendency to see environmental regulations as detrimental to economic growth and prosperity. Because of this, these laws may be unpopular at home, which complicates the adoption of relevant laws.

An increasing number of countries in which the human right to a healthy environment enshrined at the constitutional level, can help in creating joint transnational networks to protect global resources and environment.

The starting point should be a common understanding of the need to reduce human impact on national and global ecosystems. The adoption of a paradigm that promotes the human right to a healthy environment can also encourage national governments to actively participate in international environmental agreements.

However, it is important to find a way to coordinate those agreements and this issue raises the question of whether we need a global environmental organization that would perform all these issues. Perhaps nowhere is cooperation more important for our long term prosperity and security than in climate change and global environment.

Towards Global Environmental Organization

Who is responsible for the protection of our global environment? To answer this question, we can see that currently there is a consensus on one particular tool, which can help in achieving the goal of providing global public goods: international environmental agreements. These agreements, often negotiated in conferences, and help to protect nature by requiring States to recognize and respect the human right to a healthy environment. However, the following important question, not least: who is responsible for the implementation of these international environmental agreements? Some argue that in order to force countries to cooperate in the protection of our common environment we need a global intergovernmental organization whose purpose is to coordinate efforts to improve the quality of the environment.

For many years there was a general view that the UN Program on the Environment was entrusted with the task of protecting our global ecosystems and shared resources. Perhaps this was true in the early stages of its creation after the Stockholm conference of 1972. But today the protection of global environment turned out to be an impossible task for a small agency with a limited budget and is not able to force the state to act in a certain way.

The reality is that, despite growing interest in strengthening international cooperation between countries to protect the global environment, a number of institutions and programs dealing with environmental problems at other levels, increases. Unfortunately, the frequent mention of abrupt climate change, increasing deforestation and increasing pollution levels in the oceans, rivers and lakes suggest that we have yet to solve these complex global environmental problems [13]. And although there is still no consensus on whether the United Nations Program for the Environment should deal with the protection of the global environment or should we have to create a new global environmental organization. Nevertheless, the international community must therefore focus on collective decisions at the international level, not at the state, regional or local level.

To express optimism, we can find at least one example of global cooperation in the field of environmental protection, the Paris climate agreement 2015. It was headed by the Chairman of the Secretariat of the UN framework Convention on climate change Christiania Figures. This is an example of what can be achieved through global cooperation in the field of environmental protection, only one intergovernmental Secretariat. Tribute should be paid to the fact that most of the world could come to an agreement on specific tactics and strategies that need to be

taken by each state to achieve the stated goal of deterrence, raising the earth's temperature below two degrees Celsius. The Secretariat is probably not a global environmental organization we need for now, but he played a key role at a crucial moment.

Today a debate is going on, whether we have a global environmental organization. However, if we want to have any chance of success, it will require the full cooperation of all States. The Paris agreement, built on the example of earlier global conferences and movements, indicates that international cooperation on environmental protection is on the rise. This gives hope for the future, despite the growing political tensions in some countries in connection with the nature of climate agreements.

Conclusion

Unlike other security problems, ecological safety does not differ by levels of development and privileges. Instead, all people, regardless of their nationality, subject to changes in the environment. However, as in many other global security issues, people in developing countries are more vulnerable to environmental changes because they lack the resources for effective problem solving. In addition, they are likely to face the already complex economic and social conditions that may exacerbate climate change or cause of the conflict. This ability is likely to affect the national security interests of States, depending on the importance of the countries and the region.

As practice shows, the solution to the problem of climate change with a global perspective will be difficult to find, as national governments seek either to promote their economic interests and development, thereby increasing the use of natural resources, or to maintain a high level of human standards without compromising economic activity. Given that the possibility of catastrophic climate change is probably gradual political decisions can keep pace with environmental changes. If the Paris Agreement as a whole will be successful from the point of view of reducing carbon emissions, especially for such major powers as China, India and the United States (despite the fact that D. Trump has announced the US withdrawal from the agreement), the consequences of climate change can be prevented.

Growing "green" social movement around the world, including its close connection with the sustainable development program of the UN, will continue to be the primary intergovernmental entity that supports this movement with its numerous agencies and programs.

We need better integrate regional and transnational initiatives with the strategies of internal policies to address environmental problems. This means creating the conditions for flexible model management environment covering different levels from the local to the global. Experience shows that the attempt to find the mechanisms, models, and strategies to ensure cooperation on different government levels, in a wide range of problem areas is problematic and difficult process. Today the Nations of the world could find a common language with respect to certain objectives in the area of environmental protection, including global warming and climate change. It is hoped that if this trend continues, we can continue to live a healthy and happy life on our planet.

References

1. Earth Summit 2002. <https://www.earthsummit2002.org/> . Accessed 12 08. 2019.
2. Henry D. Trump's Defense Secretary Calls Climate Change a National Security Risk // The Hill, March 14, 2017. <http://thehill.com/policy/energy-environment/323959-trumps-defense-secretary-calls-climate-change-a-national-security> .Accessed 18 08. 2019.
3. Hulme M. (2016). Concept of Climate Change, in: The International Encyclopedia of Geography. The International Encyclopedia of Geography. Wiley-Blackwell.Association of American Geographers.
- 4 . Gellers J.C. (2015). Explaining the emergence of constitutional environmental rights: a global quantitative analysis // Journal of Human Rights and the Environment № 6(1) .Pp/ 75–97.
5. Intergovernmental Panel on Climate Change: Synthesis Report (2007) Valencia, November 12
6. Joshua B. Horton & Jesse L. Reynolds (2018). The International Politics of Climate Engineering: A Review and Prospectus for International Relations // International Studies Review 18, №. 3. P: 438–461.
7. McKibben B. (2011). The Global Warming Reader. New York, N.Y.:
8. National Security Implications of Climate-Related Risks and a Changing Climate (2015). Department of Defense. Washington DC. Pentagon, July 23.
9. Report of the World Commission on Environment and Development: Our Common Future (2015).
10. Report of the World Commission on Environment and Development: Our Common Future .UN Sustainable Development Programm .- URL:
<https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/5987our-common-future.pdf> . Accessed 12 08. 2019.
11. Rio+20 - United Nations Conference on Sustainable Development (2012). <https://web.archive.org/web/20140818215812/http://www.uncsd2012.org/about.html> . Accessed 10 08. 2019.
12. Statement on the State of the Global Climate in 2016. (2017) World Meteorological Organization. Geneva.
13. Sustainable Development Goals. UN Sustainable Development Programm .<https://sustainabledevelopment.un.org/sdgs> . Accessed 14. 08. 2019.
14. The United Nations Framework Convention on Climate Change (1992), Article 2. http://unfccc.int/files/essential_background/background_publications_htmlpdf/application/pdf/conveng.pdf Accessed 20. 09. 2019.
15. The United Nations Conference on Environment and Development. Rio Declaration on Environment and Development (1992). <https://web.archive.org/web/20030402153036/http://habitat.igc.org/agenda21/rio-dec.htm> . Accessed 14. 08. 2019.
- 16 Department of Defense, Quadrennial Defense Review (2014) Washington, DC: Department of Defense. https://dod.defense.gov/Portals/1/features/defenseReviews/QDR/2014_Quadrennial_Defense_Review.pdf .Accessed 20. 08. 2019.

Electronic scientific editions

International journal of Professional Science

international scientific journal
№8/2019

Please address for questions and comments for publication as well as suggestions
for cooperation to e-mail address mail@scipro.ru

Edited according to the author's original texts

Format 60x84/16. Conventional printed
sheets 4,4
Circulation 100 copies
Scientific public organization
“Professional science”

ISSN 2542-1085

